

О. Л. Кабанина

СЦЕПЛЕНИЕ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ТИП ВЫДВИЖЕНИЯ В АСПЕКТЕ РЕГУЛЯТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ «ЧТО ДРУГИМ НЕ НУЖНО – НЕСИТЕ МНЕ...»)

Рассматривается явление сцепления и определяется его функция связующего звена между различными типами выдвижения в рамках одного текста. На примере стихотворения М. И. Цветаевой выявляется возможность доминирования сцепления над другими типами выдвижения, раскрывается его регулятивный потенциал.

Ключевые слова: тип выдвижения, регулятивность текста, регулятивная функция, сцепление.

«Что другим не нужно – несите мне:
Все должно сгореть на моем огне!
Я и жизнь маню, я и смерть маню
В легкий дар моему огню».

М. Цветаева, 1918

Творчество М. И. Цветаевой, чье имя известно как поэта Серебряного века, никогда не было простым и однозначным, не прочитывалось по буквально сказанному, по строчкам. Ее поэзия была и остается «бездной» глубины чувств и переживаний неразгаданной женской души, сложным переплетением и соединением мысли, эмоции, отражением большого художественного мастерства автора. Именно этот синтез рождает в лирике М. Цветаевой столько художественных приемов, способов организации речи, типов выдвижения, в ряду которых важное место занимает явление, обозначенное термином «сцепление» (предложено и разработано С. Левиным в 1962 г.).

Под сцеплением, вслед за И. В. Арнольд [1, с. 65], нами понимается «появление сходных элементов в сходных позициях, сообщающее целостность тексту». При этом следует особо подчеркнуть, что данное явление, основанное на упорядоченности, «обеспечивает единство поэтической структуры», «помогает раскрыть характер и суть единства формы и содержания в художественном произведении в целом» [1, с. 65].

В творчестве М. Цветаевой к главным типам выдвижения, согласно нашему исследованию, относятся следующие стилистические явления: конвергенция, повтор, сцепление, обманутое ожидание и контраст. Сцепление, находясь в одном ряду с другими типами выдвижения, выполняет дополнительные функции и имеет ряд особенностей – оно может выступать как связующее звено между различными типами выдвижения, объединяя их в рамках одного текста и обеспечивая целостность формы и содержания, способствуя запоминанию текста в процессе его восприятия. Процесс запоминания активизируется за счет сходных элементов и их сходных позиций в тексте. Именно эта черта сцепления позволяет говорить о его регуля-

тивном потенциале, выраженном в функции стимулирования читателя и организации процесса запоминания им элементов текста, значимых для его смыслового развертывания. Под регулятивностью (термин Е. В. Сидорова) понимается системное качество текста, заключающееся в его способности управлять познавательной деятельностью читателя [2, с. 108].

Являясь одним из направлений коммуникативной стилистики текста (см. работы Н. С. Болотной, Н. Г. Петровой, И. Н. Тюковой, Ю. Е. Бочкаревой, Т. Е. Яцуга и др.), теория регулятивности опирается на большие возможности автора, который, создавая структуру текста, используя различные художественные приемы и средства, может направлять познавательную и интерпретационную деятельность читателя, делая акценты на наиболее «важных» для него и для читателя смыслах.

Значимость категории «сцепление» в поэзии М. Цветаевой велика. Примером этого служит стихотворение автора «Что другим не нужно – несите мне...», написанное в 1918 г. В этом стихотворении используется серия сцеплений, проявляющихся на разных уровнях текста и не только обеспечивающих единство его структуры, но и объединяющих различные типы выдвижения.

Стихотворение открывается приемом контраста: «*Что другим не нужно – несите мне:*», в котором обозначается противопоставление лирической героини («мне») – «другим». Это противопоставление закрепляется во второй строчке стихотворения: «*Все должно сгореть на моем огне!*» Акцент на лексеме «моем» подразумевает некий «фантом» противоположного образа – «другие». Контраст «я» – «другие» достаточно часто встречается в поэзии и прозе М. Цветаевой, отражая ее внутреннее состояние по отношению к миру, самоощущение и самоопределение поэта в этом мире. Что не нужно и от чего отказываются «другие», оказывается необходимым лирической героине.

Лексема «мой» здесь также тесно сопряжена с лексемой «огонь». Под огнем в данном стихотворении в качестве одного из наиболее вероятных вариантов интерпретации можно понимать не просто

стихию, а стихию творчества. Свойственные М. Цветаевой «горение» и «страсть» сочетаются с этим образом – огня, поглощающего и вбирающего в себя все: «Я и **жизнь** маню, я и **смерть** маню / В легкий дар моему огню». Противопоставление «жизнь» – «смерть» выступает как самостоятельный стилистический прием, в рамках которого наблюдается симметричное расположение параллельных конструкций, тождество грамматической формы, что позволяет говорить о явлении сцепления. Как отмечает в своей работе И. В. Арнольд, сходство элементов сцеплений в парадигматике может быть фонетическим, структурным или семантическим. Семантическое сходство проявляется в тексте использованием синонимов, антонимов, гипонимов, а также слов, принадлежащих одному семантическому полю [1, с. 65].

Обратим внимание на следующие строки: «Пламень любит легкие вещества: / Прошлогодний хворост – венки – слова... / Пламень пышет с подобной пищи! / Вы ж восстанете – пепла чиче!» С помощью олицетворения раскрывается необычное свойство огня-творчества, а именно его «любовь» к легким «веществам» – «прошлогоднему хворосту» (литературной традиции прошлого), «венкам» (увековеченному, оставшемуся в памяти и истории народа) и «словам» (неуловимым и одновременно оставленным как отпечаток на бумаге, но легко горящим вместе с ней).

На фонетическом уровне обращает на себя внимание повторение в рамках целого четверостишия сонорного «л», что позволяет говорить о явлении аллитерации (разновидности фонетического повтора) в данном отрывке. Аллитерация придает особую выразительность и новый оттенок смысла, создает ощущение воздушности и легкости субстанции огня, пространства, легкости жизни в целом. В чередующихся «л» нельзя не заметить небольшое вкрапление звуковых единиц [п] и [ш], воспроизведение которых напоминает о стихийности огня, его силе горения и жара, образующегося пламенем. В этом плане показательным и повторяющееся сочетание [пл] – «пламень», «пепла». Следует отметить, что аллитерация (как и ассонанс) обладает некоторой свободой, не определяясь и не закрепляясь в тексте позиционно, что позволяет говорить о сцеплении в данном отрывке как о проявлении сходных элементов, не закрепленных в сходных позициях.

В следующем четверостишии акцентируется иной тип выдвигения, а именно – эффект обманутого ожидания, который подразумевает «активную» позицию читателя по отношению к тексту, его способность прогнозировать вероятность тех или иных описываемых событий: «Птица-Феникс я, только в огне пою! / Поддержите высокую

жизнь мою! / Высоко горю и горю дотла, / И да будет вам ночь светла».

Уже в первой строке неожиданным оказывается завершающее ее словосочетание – «в огне пою». В «Русском ассоциативном словаре» Ю. Н. Караулова [3] на слово-стимул «огонь» наиболее частотными являются следующие реакции: вода (57), яркий (36), горит (31), пламя (23), костер (20), горячий (16), жаркий (14), красный (12), пожар (11).

К. С. Верхотурова в своей работе «Огонь в зеркале русского языка» говорит о делении лексики, номинирующей огонь / пламя, с точки зрения происхождения на две группы: «...это дериваты корней с исходным значением гореть: ogn-, gor-, zeg- и pal-, что вполне предсказуемо, а также существительные от глагола пылать и лексика, этимологически не связанная с указанными корнями» [4]. Лексеме «гореть» можно рассматривать как маркер образа огня, свойство и «действие» которого – «горение». С этим свойством непосредственно связано сочетание «гореть в огне», ставшее устойчивым и понятным. Согласно толковому словарю, «гореть» – значит «поддаваться действию огня, уничтожаться огнем» [5]. Отсюда можно сделать вывод, что лексема «пою», воспринимаемая обычно с положительной коннотацией и использованная здесь в значении «заниматься стихотворчеством, воплощая поэтический дар», оказывается неожиданной в сочетании с лексемой «огонь», что приводит к проявлению эффекта обманутого ожидания.

Образ огня пронизывает все строки четверостишия и актуализируется следующими лексемами: «Птица-Феникс», «в огне», «горю», «горю дотла», «светла». Птица-Феникс – мифологическая птица, обладающая способностью сжигать себя и заново возрождаться. Каждый ее новый жизненный цикл начинается и завершается при помощи огня. Отсюда изображение птицы в геральдике – Феникс, поднимающийся из пламени [6]. «Высоко горю и горю дотла» – эта строчка также соотносится с образом Птицы-Феникса, обладающей даром высокого полета и сжиганием себя «дотла». В христианстве Феникс означает триумф вечной жизни, воскресение, веру, постоянство, часто рассматривается как символ Христа [6].

Самосожжение Птицы-Феникса, ассоциирующейся с образом самой лирической героини, воспринимается в стихотворении как нечто прекрасное и положительное, связанное с надеждой на самообновление и самоочищение в огне, а также с высокой целью – осветить ночь для других людей, сделать темное и таинственное время суток светлым и ясным. «И да будет вам ночь светла!» – восклицание, напоминающее своим построением цитату из Ветхого завета: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт. 1, 3) [7].

Таким образом, можно говорить и о семантическом сцеплении в данном отрывке текста, основой которого служит использование слов, принадлежащих одному семантическому полю. Помимо этого здесь есть элемент фонетического сцепления, выраженного приемом аллитерации – повторения звука «л».

В последнем четверостишии стихотворения автор использует конвергенцию, призванную акцентировать особое внимание на определенном смысле текста, объединяя для создания выразительности сразу несколько стилистических приемов: «*Ледяной костер, огневой фонтан! / Высоко несущей свой высокий стан, / Высоко несущей свой высокий сан – / Собеседницы и Наследницы!*»

Яркий художественный образ в первой строчке, выраженный оксюмороном, отражающим соединение противоположных понятий «холода» и «тепла», «воды» и «огня», формируется на основе приема контраста и одновременно выступает элементом другого типа выдвижения, а именно – конвергенции. Конвергенция представлена здесь соединением в одном месте следующих стилистических приемов: контраста «*Ледяной костер, огневой фонтан!*»; анафоры и синтаксического параллелизма «*Высоко несущей свой высокий стан, / Высоко несущей свой высокий сан*», риторических восклицаний.

Сцепление в данном отрывке нашло свое отражение как в структурном и семантическом, так и в фонетическом плане. Структурно оно выражено в параллелизме, семантически – в приеме контраста, в фонетическом плане – в использовании аллитерации, ассонанса и непосредственно в рифме стихотворения. Особенно интересны игра слов в рифме «стан» – «сан» и необычная концовка стихотворения, где срифмованными оказываются не строчки, а части одной строки «*Собеседницы и Наследницы!*».

Лирическая героиня именуется «Собеседницей», что подразумевает наличие второго «действующего лица» – собеседника, и «Наследницей», что делает необходимым наличие объекта этого наследования. В качестве собеседника можно предположить литературный век минувший, поэтов и творцов эпохи XIX в., а как объект наследования – поэтическую традицию, мастерство, талант и творчество поэтов, писателей ушедших столетий.

Проведенный нами анализ стихотворения М. Цветаевой «Что другим не нужно – несите мне...» еще раз подтверждает мысль о том, что сцепление, выступая в тексте наряду с такими стилистическими явлениями, как повтор, конвергенция, обманутое ожидание и контраст, может брать на себя функцию связующего звена между представленными типами выдвижения. Сцепление, основанное на упорядоченности явлений, главной задачей которого является обеспечение единства формы и содержания произведения, целостности его структуры, выполняет также регулятивную функцию, заключающуюся в активизации познавательной деятельности читателя и процесса запоминания им текста. Запоминание в данном стихотворении становится для читателя возможным и легким благодаря сцеплению различных типов выдвижения: приемов контраста, повтора (лексического и фонетического), эффекта обманутого ожидания, стилистического явления конвергенции. Таким образом, сцепление можно по праву назвать универсальным типом выдвижения, особенно применимым к поэтическому тексту.

Стихотворения М. Цветаевой благодаря мастерству автора продолжают поражать исследователя своей неисчерпаемостью и обилием художественных приемов, поэтических форм и смыслов, что дает стимул к их дальнейшему изучению в данном направлении.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования): учеб. пособие. Л.: Просвещение, 1981. 295 с.
2. Болотнова Н. С. О связи регулятивной и концептуальной структур поэтического текста // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2006. Вып. 5 (56). С. 108–113.
3. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7 000 стимулов. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с. Т. II. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>
4. Верхотурова К. С. Огонь в зеркале русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 213 с. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/ogon-v-zerkale-russkogo-jazyka.html>
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «Азъ», 1992. 960 с. URL: <http://ozhegov.slovaronline.com>
6. Википедия, свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org>
7. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2009. 1008 с.

Кабанина О. Л., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: olga260389@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 26.12.2013.

O. L. Kabanina

**COUPLING AS UNIVERSAL TYPE OF EXTENSION IN ASPECTS OF REGULATORY
(ON THE EXAMPLE OF M. I. TSVETAeva'S POEM "THAT ISN'T NECESSARY FOR OTHERS – BRING ME...")**

The article considers the phenomenon of coupling and is defined by its function as a link between the different types of extensions within a single text. On the example of the poem by M. I. Tsvetaeva there was revealed the possibility of dominance over other types of coupling extension, and also its regulatory capacity.

Key words: *the type of extension, regulation of the text, regulatory function, coupling.*

References

1. Arnol'd I. V. *Stylistics of modern English (decoding stylistics): study guide*. Leningrad, Prosveschenie Publ, 1981. 295 p. (in Russian).
2. Bolotnova N. S. The connection of regulative and conceptual structure of poetic text. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2006, no. 5 (56), pp.108–113 (in Russian).
3. *Russian associative dictionary*. In 2 vol. Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. Vol. I. From stimulus to response: approx. 7 000 incentives. Moscow, AST-Astrel Publ, 2002. 784 p. Vol. II. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (in Russian).
4. Verkhoturova K. S. *Fire in the mirror of the Russian language*. Diss. cand. philol. sci. Ekaterinburg, 2009. 213 p. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/ogon-v-zerkale-russkogo-jazyka.html> (in Russian).
5. Ozhegov. S. I, Shvedova N. Yu. *Dictionary of Russian language*. Moscow, Az Publ, 1992. 960 p. URL: <http://ozhegov.slovaronline.com> (in Russian).
6. Wikipedia, the free encyclopedia. URL: <http://ru.wikipedia.org> (in Russian).
7. *The Bible. The books of the Holy Scriptures of the old and New Testament*. Moscow, Russian Bible society Publ, 2009. 1008 p. (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: olga260389@yandex.ru